

Юлия Захарова

ДЕРЕВЕНЩИНА

#юмор

#романтика

#деревенский вайб

#перевоспитание

Юлия Захарова

Деревенщина

<https://litres.ru/74207252>

Аннотация

Молодой москвич Артём Лимонов привык жить по правилам большого города: роскошь, беззаботность и поверхностные отношения — его стихия. Но однажды отец отправляет его в глухую деревню к бабушке — не для отдыха, а на перевоспитание. Лишённый привычных удобств, связи и даже обуви, герой оказывается в мире, где ценятся совсем другие качества: труд, честность, уважение и искренность.

В Дергачах всё устроено иначе: здесь каждый поступок имеет значение, а сплетни распространяются быстрее, чем новости в интернете. Столкнувшись с непривычным укладом жизни, новыми людьми и собственными внутренними демонами, Артём вынужден заново осмыслить себя, свои ценности и то, что на самом деле делает человека по-настоящему счастливым.

«Деревенщина» — это история о взрослении, о поиске себя и настоящей любви, о том, как иногда, чтобы найти дом, нужно оказаться в самом неожиданном месте.

Содержание

ГЛАВА 1	4
ГЛАВА 2	9
ГЛАВА 3	16
ГЛАВА 4	22
ГЛАВА 5	28
ГЛАВА 6	33
ГЛАВА 7	38
ГЛАВА 8	44
ГЛАВА 9	51
ГЛАВА 10	57
ГЛАВА 11	63
ГЛАВА 12	69
ГЛАВА 13	75
ГЛАВА 14	81
Конец ознакомительного фрагмента.	85

ГЛАВА 1

– Идиот! Дебила кусок! У тебя мозги совсем что ли отсохли? – Владимир Иннокентьевич Лимонов мерил шагами гостиную своего шикарного загородного особняка.

Руки успешного предпринимателя и уважаемого в городе общественного деятеля мелко потрясывались от пережитого стресса. Волосы, уже посеребренные на висках сединой, взмокли и прилипли к голове.

– Диля! Принеси мне что-нибудь! – махнул он рукой жене, испуганно жавшейся к камину.

Когда Володя был так зол, она обычно, старалась оставаться в тени. Диляра, вторая жена бизнесмена Лимонова, молодая, красивая, но, как это часто бывает, не отличающаяся острым умом, метнулась в столовую и уже через пару секунд вернулась с толстостенным бокалом в руках. Внутри звенели кубики льда, расплавляясь в янтарном выдержанном напитке. Она подбежала к мужу, вложила ему успокоительное в руки и ретировалась обратно.

Владимир Иннокентьевич уставился на ледяной виски, мерно покачивающийся от тремора его пальцев, и трижды моргнул.

– Вообще-то я имел в виду что-то типа валерьянки или корвалола...

– Ой, – пискнула в своем углу Диляра и хотела было броситься снова бежать, чтобы исправить ошибку, но муж махнул рукой – оставь, мол, и так сойдет.

Бизнесмен выдохнул, опрокинул в себя две трети порции и прикрыл глаза. Дрожь успокаивалась. Становилась реже и крупней. Теперь она походила скорее на предсмертные конвульсии. Но значительно полегчало...

Он открыл глаза – белки налились кровью и покраснели, несколько раз сжал и разжал свободный кулак, вторая рука с силой стискивала почти опустевший бокал, так что побелели костяшки, развернулся к сыну и скрипнул зубами.

– Ты скажешь хоть слово в свое оправдание? – рыкнул Владимир Иннокентьевич грозно.

Тёма вальяжно развалился на диване, широко расставив ноги в стороны. Он даже не потрудился снять заляпанные грязью кроссовки, поэтому под ним на полу уже собралась лужица мутной дождевой воды. Во взгляде молодого человека читалось полнейшее равнодушие и усталость. Все, чего ему сейчас хотелось – чтобы его оставили в покое. В конце концов, он тоже жертва. И свидетельством тому служил длинный прямоугольник пластыря, бережно приклеенный мачехой на рассеченную бровь.

– Что я должен сказать? – Тёма понимал, что отец не отстанет. – Ну дождь на улице был. Занесло. С кем не бывает? Я вообще-то тоже пострадал! Мог бы и посочувствовать.

Тоже мне отец!

– Посочувствовать? – Владимир Иннокентьевич нервно стер ладонью испарину со лба. – А я вот сейчас ремень сниму... И так тебе посочувствую! Места живого не останется!

– Бать, какой ремень? Ты же в халате! – хохотнул Тёма. – К тому же, поздновато меня воспитывать. Не находишь?

Владимир Иннокентьевич закипал. Он, конечно, понимал, что в свое время упустил парня. Раньше пороть надо было, когда еще боялся отцовского гнева, когда еще доходили до ушей слова. А сейчас... Сидел перед ним здоровый двадцати двух летний парень, которого кроме тачек, тусовок и девок ничего больше в жизни не интересовало. Плевать он хотел на то, что отец говорит.

– Объясни мне, вот как? Как можно было не заметить автобусную остановку?!

– Да откуда я мог знать, что она там стоит? – бросил Тёма аргумент. – Я на автобусах не езжу.

– Теперь едешь! Машина восстановлению не подлежит. Тёма подскочил, непонимающе уставился на отца.

– Эй, бать, ну ты чего? Ну подумаешь, машину разбил...

– Ламборджини, Артём! Ты разбил Ламборджини! За девятнадцать миллионов моих, между прочим, рублей!

– Подумаешь... Возьму Мустанга, – Тёма откинулся на спинку мягкого дивана и закатил глаза к потолку.

– Нет не возьмешь! Это еще хорошо, что никто не пострадал... А если б там были люди? Чем ты вообще думал? –

Владимир Иннокентьевич схватился за сердце и медленно опустился в кресло.

– Ну не было же! – Тёма не понимал, к чему вообще весь этот сыр-бор.

Одна дорогушая иномарка и одна муниципальная останков. Раньше и похуже бывало.

– Значит так, – старший Лимонов ткнул пальцем в ту сторону, где сидел его непутевый отпрыск, – ситуацию я постараюсь замять...

– Спасибо, батя, – Тёма расслабленно ухмыльнулся.

– А ты, пока тут все не утихнет, отправляешься к бабке Шуре на перевоспитание! И это не обсуждается!

– Не поеду я в этот Мухосранск! – парень возмущенно вскочил с дивана и сжал кулаки. – Что мне там делать?

– Коровам хвосты крутить! Я сказал – не обсуждается! – отрезал Владимир Иннокентьевич.

– Не поеду! – Тёма топнул ногой, словно ему было пять, и он отказывался есть суп на обед.

– Ладно, – развел руками отец. – Там на холодильнике повестка висит. Вчера принесли, я расписался. Еще успеваешь в весенний призыв. Разговор окончен.

Владимир Иннокентьевич опрокинул в себя остатки виски, хлопнул увесистым бокалом по стеклянному столику, что тот аж задребезжал, встал и затянул потуже пояс халата.

– Диля, идем спать! Уже поздно, а мне еще утром в администрацию ехать, главу умасливать. А ты, – он бросил взгляд

на опешившего сына, – учишь портянки мотать. Пригодится!

– Стой, стой, стой! – Тёма схватил отца за локоть, не давая ему покинуть гостиную. – Мы так не договаривались! Посмотри на меня! Какой из меня солдат?

– По-моему, вполне себе среднестатистический, – Владимир Иннокентьевич оглядел сына с головы до ног – высокий, здоровый, в прекрасной физической форме, хоть завтра на плац.

– Ты обещал, что отмажешь! – не отставал Артём.

– А ты обещал, что не будешь пьяным за руль садиться! – старший Лимонов дернул руку, вырываясь из хватки. – Тебе решать... Либо завтра прям с утра Дима отвезет тебя в Дергачи, либо – тебя ждет призывная комиссия. Выбирай! Либо одно, либо другое! Третьего не дано!

– Пап... Ну прости меня! Этого больше не повторится! – Тёма готов был рухнуть перед отцом на колени. – Не ссылай меня...

Но Владимир Иннокентьевич был неумолим. У каждого когда-то наступает момент, когда терпение лопается. Кажется, этот момент как раз настал.

ГЛАВА 2

Дима, угрюмый и молчаливый водитель Владимира Иннокентьевича, уверенной рукой правил Гелендваген по бездорожью. Асфальт закончился еще километров восемьдесят назад, и теперь машина была вынуждена перескакивать с кочки на кочку. Тёму, дремавшего всю дорогу на заднем сиденье, слегка укачало, поэтому его лицо приобрело зеленовато-пепельный оттенок, а желудок ощущался уже где-то в районе горла. К тому же, на последней повороте Гелик ухнул в глубокую яму, и пассажира смачно приложило головой о потолок.

– Дим, останови... – подал голос Тёма с заднего сиденья.
– Кишки уже в узел завязало от местного колорита.

Дима не сказал ни слова, только хмыкнул и сдал в поле. Озимая пшеница едва-едва проснулась после спячки и перекатывалась на ветру сочно-зеленым морем. Колеса внедорожника смяли под собой молодые ростки. Артём распахнул дверцы, вывалился из машины и извергнул на будущий хлеб съеденный утром завтрак.

– Твою мать, – выругался он, отдышавшись. – Все кроссы заблевал!

Тёма вытер новенькие конверсы о траву, на прорезиненной белой подошве проступил зеленый след.

– Да бли-и-н... – закатил глаза парень.

– Какие-то проблемы? – сзади появился Дима.

Водитель отца был на голову выше Артёма и в два раз шире в плечах.

– Не, Дим... Никаких проблем! Кроме тех, что ты везешь меня на верную смерть от скуотищи и переизбытка кислорода!

Дима оценил сарказм и довольно ухмыльнулся.

– Свежий воздух полезен, – сказал он тоном, не терпящим возражений.

– Угу... – вынужден был согласиться Артём. – Дим, а ты с деревни-то на чем добираться планируешь? Железной дорогой тут даже не пахнет. Может какой завшивенький автовокзал имеется?

Дима басисто рассмеялся, хлопнул парня по плечу своей массивной ладонью, так что тот едва не ушел по колено в землю.

– Хорошая шутка, Тём... Хорошая! Ладно, залезай обратно. Поехали!

Артём не понял, чем так рассмешил отцовского водителя, но для проформы тоже хохотнул и полез в машину, теперь уже на переднее сиденье. Через пятнадцать минут езды по полям и пашням, впереди на холме, наконец, показались Дергачи.

Деревня стояла на берегу живописной реки, извивающейся серебристой лентой между пологими берегами, усыпан-

ными вербами. Весеннее солнце играло на глади воды, рассыпая тысячи крошечных бриллиантов и прокладывая золотые дорожки от одного берега до другого. Легкий ветерок шевелил молодую листву на прибрежных кустах, заставляя воду то и дело морщиться и искажать отражение скользящих по ясному небу облаков.

– Красотища-то какая! – восхитился Дима, приоткрывая со своей стороны окно. – Я б тут жить остался!

– Так, может, махнемся? Ты тут, а я обратно в Москву? – предложил парень.

Его виды не впечатляли ни капельки.

– Я человек маленький. Сказано доставить, я доставил. Так что, Тём, ничего личного! – рука водителя снова упала парню на плечо и впечатала его в сиденье. – Но то, что ты шутишь, мне нравится.

То, что Диме что-то там нравилось, было приятно, но вот только Артём вообще не шутил. А где водитель отца разглядел шутки в его словах, он понял только когда Дима выгрузил его вещи у дома бабки Шуры, запрыгнул обратно в машину и укатил в направлении города.

– А вот это уже совсем несмешная шутка! – выдохнул Тёма, поняв, что Гелендваген ему не догнать.

Он согнулся пополам, уперся ладонями в колени и скрипнул от досады зубами. От Гелика остался на дороге только столб пыли.

– Без машины? Да вы издеваетесь? – Тёма достал телефон

с четким намерением позвонить отцу и высказать ему все, что он о нем думает, но и здесь его ждал сюрприз.

Связи не было от слова совсем...

– Зашибись, приехал! – парень со всей силы пнул валявшийся на его пути булыжник, ушиб мизинец и завыл. – Да это хуже тюрьмы!

Когда он вернулся к дому, из калитки выскочила бабка Шура и сгребла внука в охапку.

– Как же ты вырос, Тёмушка! – прослезилась старушка, разглядывая парня. – Я же тебя в последний раз видела, когда ты еще в школу ходил...

– Ага, – кивнул Артём. – На маминых похоронах... Привет, бабуль! Меня тут к тебе...

– Да знаю я, – перебила его баба Шура. – Отец твой утром телеграмму прислал!

– Правильно говорить «Телеграмм», бабуль, – поправил ее внук. – И что он там тебе наговорил?

– Да ничего особенного. Встречай внука на побывку... Вот и все слова, – развела старушка руками и сощутив один глаз глянула на Артёма. – Набедокурил что ли чего?

– Машину разбил немножко, – отмахнулся парень. – С управлением не справился...

– Господи, – прикрыла морщинистый рот ладошкой бабушка. – Сам-то хоть не убился?

– Как видишь! – хохотнул Тёма. – Вот стою перед тобой – жив, здоров.

– Здрасти, баб Шур! – раздался позади звонкий девичий голосок. – Меня мамка прислала...

Артём обернулся. Перед ним стояла молодая девушка лет восемнадцати с толстой косой, ясными глазами и припухлыми соблазнительными губками. Он невольно залюбовался деревенской красавицей, которая при виде его, забыла зачем пришла.

– Тёма! – вдруг воскликнула она. – Это ты что ли?

– Я, – смутился парень.

Девушка его явно узнала, а вот он сам никак не мог ее вспомнить.

– Здравствуй, Катюш, – вмешалась в их неловкую встречу баба Шура. – Обожди минутку! Сейчас принесу.

Старушка нырнула в калитку и заковыляла в сторону дома.

– Катька? Свистунова? – Артём, наконец увидел в лице девушки знакомые черты и довольно заулыбался.

– Да, я, – девушка застенчиво опустила глаза.

– Ты ж маленькая такая была! Бегала везде за нами, как хвостик!

Катя покраснела, сцепила между собой пальцы.

– Выросла вот! – она тряхнула косой и подняла на Тёму взгляд. – Да ты и сам какой стал...

Артём сразу подтянулся, выпрямил спину и небрежно засунул руки в карман.

– А ты чего к нам? – спросила Катя.

– Да вот... Бабушку приехал повидать, – не моргнув, со-
врал Тёма. – Опять же свежий воздух. Чего в душном горо-
де-то торчать?

– Да... Раньше ты каждое лето приезжал....

– Ты сама-то как? Пацаны здесь все еще живут? Не разъ-
ехались? – поинтересовался Артём.

В его памяти всплыли счастливые моменты детства, ко-
гда они с друзьями – Васькой и Глебом, гоняли по деревне
на велосипедах, лазали по деревьям за яблоками, купались
в речке, ловили рыбу.

– Здесь, – махнула рукой Катя. – Вечером в клуб приходи.
Там и найдешь их.

Из калитки появилась баба Шура. Она несла перед собой
плетеную из бересты корзинку, нагруженную куриными яй-
цами.

– Вот держи, Катюш. Как договаривались! – она всучила
девушке в руки корзинку.

– Спасибо, баб Шур. Наши что-то совсем нестись пере-
стали! Прямо оказия!

– Так надо кальцием их подкормить, занесутся, – посове-
товала старушка.

– Ну я пойду тогда, – Тёма и Катя, не отрываясь, смотрели
друг на друга. – Пока, Тём. Рада была тебя повидать...

Девушка развернулась и поспешила по дороге, поднимая
пыль стоптанными башмаками.

– Кать! Погоди! – окликнул ее Артём, и она оглянулась. – А ты сама-то придешь вечером в клуб?

Девушка игриво пожала плечами, но ничего не ответила.

– Челюсть-то с земли подбери! – пихнула внука баба Шура, когда он слишком надолго завис, глядя вслед удаляющейся Кате.

– Она ж маленькая такая была... Зубастая... – Тёма приложил руку к верхней губе и пошевелил пальцами. – А смотри какая выросла!

– Бери причиндалы свои и пошли в дом! – старушка кивнула на сваленные у забора сумки. – Там блины стынут. Я с утра напекла.

Тёма кивнул, подхватил вещи и вошел в калитку. Перед его глазами открылся старенький покосившийся домик, в котором он провел почти все детство. Сердце сжалось при виде его, словно он только что вернулся с прогулки, сейчас откроется дверь, на крыльцо выйдет мама, велит вымыть руки и позовет обедать. Глаза защипало от нахлынувших воспоминаний. А он ведь был уверен, что давно избавился от проявлений сентиментальности. Артём глубоко вздохнул, прогоняя из памяти незваный образ и поднялся по ступенькам.

ГЛАВА 3

В доме бабушки все осталось по-прежнему. Деревянные покрашенные полы скрипели при каждом шаге, бревенчатые стены были завешены старыми фотографиями в картонных рамочках, бабушкину кровать на панцирной сетке украшала целая гора подушек из настоящего гусиного пуха, а поверх нее была накинута связанная крючком кружевная накидка. Побеленная известью печь исполином возвышалась посреди комнаты. На громоздком дубовом столе стояла горка ароматных толстых блинов, накрытая расшитым полотенцем, а рядом – миски со свежей густой сметаной и жидким цветочным медом.

– Руки мой и за стол! – скомандовала бабушка.

Тёма прошел к рукомойнику. Он помнил еще из детства эту замысловатую конструкцию. Чтобы потекла вода, нужно было рукой вдавить в бак алюминиевый стерженек с набалдашником. Умывшись прохладной водой, парень сел за стол. Бабушка поставила перед ним кружку холодного молока, а сама села напротив, подперев рукой щеку.

– Совсем взрослый стал, хоть жени! – залюбовалась красавцем-внуком баба Шура. – Невеста-то есть у тебя?

– Да полно невест, бабуль! – отмахнулся Тёма, набивая

полный рот блином. – Сегодня одна, завтра другая...

– Ой! Это как же так, внучек? – всплеснула руками старушка. – У нас в деревне знаешь как таких ребят называли? Потаскун! Вот как!

– О! Это как раз про меня! Только сейчас это по-другому называется! – Тёма подмигнул бабушке и стянул с тарелки новый блин.

– Это как же по-другому? – удивилась старушка.

– Ну, например ловелас, Казанова, Альфа-самец... На худой конец, бабник, – перечислял Артём с нескрываемым удовольствием.

– Потаскун, он и есть потаскун, – отмахнулась от него баба Шура. – Нехорошо это, Тёма. Нехорошо... Девушек любить надо и уважать.

– Жену свою надо любить и уважать, – парень поднял вверх указательный палец, словно только что изрек вековую мудрость. – А я, бабуль, жениться пока не планирую. По крайней мере, ближайшие лет десять точно. Не нагулялся еще!

– Смотри, гуленький какой! Да через десять лет всех девок хороших разберут! И кому ты нужен будешь со своим затертым обмылком? – старушка нависла над внуком, сощутив глаза и уперев руки в бока.

Артём откровенно расхохотался. Бабушкино мировоззрение на вопросы брака развеселило его, а блины приятным теплом легли на раздраженный разгульной ночью желудок,

что он даже забыл, что его сослали в эту дыру. Отсмеявшись, он почувствовал, что его клонит в сон.

– Не переживай, бабуль, – зевнул он и потер глаза. – Такие как я, на дороге не валяются. Пальцем щелкну, любая прибежит.

– Такие как я... – передразнила его бабушка. – Да тьфу на тебя, Тёма. Прав был отец, что прислал тебя ко мне. Уж я эту дурь из твоей головы быстро выбью!

Она потрясла в воздухе кулаком, а Артём снова рассмеялся.

– Выбьешь, выбьешь, бабуль, – его разбирала дремота. – Там на печке постелено? Я бы вздремнул пару часиков.

– Постелено, голубчик, постелено... Только вот хотела попросить тебя, чтоб ты помог мне водички в баню натаскать из колодца. Подсобишь? А то у меня-то ноги уже не те...

Артём поскреб пятерней затылок, но отказать бабушке не посмел. Он взял два больших ведра и отправился за водой.

Колодец в Дергачах всегда был местом встречи. А как иначе, если только здесь можно было раздобыть питьевую воду? Тёма подошел к площадке и пристроился в очередь. Впереди него стояли три женщины и что-то активно обсуждали.

– Так и есть! – рассуждала первая. – Набедокурил он что-то, вот отец его и сослал к бабке в деревню!

– Да они там в своем городе бог весть чем занимаются! – заверила подружек вторая. – Я по телевизору видела...

– Ой, а вдруг он убил кого-то, а здесь прячется от поли-

ции? – третья прикрыла рот рукой. – Теперь придется на ночь амбар запирасть. Интересно, а он к нам надолго приехал?

Тёма слушал их разговоры и усмехался про себя. Вот так и рождались всегда сплетни, у колодца с коромыслом через плечо. Он был уверен, что уже к вечеру все жители будут думать, что он наркоман и убийца.

– Вы меня только не сдавайте! – решил пошутить он над бабами.

Женщины синхронно обернулись и уставились на него. Брови сошлись над переносицами, ноздри раздувались, как у быков на корриде перед боем, пальцы обхватили коромысла. Все говорила о том, что без боя они не сдадутся.

– Артёмушка! – спохватилась вдруг первая баба. – Ты никак решил бабушку навестить?

– Ага, решил, – Тёма брякнул ведрами о бетонированную вокруг колодца площадку.

– Молодец! – похвалила его вторая. – А то она уж так о тебя скучала. Так кручинилась.

– Боялась, что так и помрет, не увидев единственного внука, – вставила свои пять копеек третья.

Бабы разглядывали городского парня, одетого в модные дорогие джинсы и кроссовки, космический дизайн которых не мог им даже во сне привидиться, и радушно улыбались.

– А ты надолго приехал-то, Тём? – поинтересовалась первая. – На пару деньков небось?

– Да почему же? – равнодушно пожал плечами. – Задержусь немного. Короче, пока не надоест. Может даже на все лето останусь. Как в детстве...

Бабоньки сменились в лице. Провести все лето бок о бок с уголовником им совсем не улыбалось.

– Ты за водицей, наверное, пришел, Тём? – спросила осторожно первая, чтобы убедиться в его намерениях.

– Какая пронизательность! – усмехнулся Артём. – Баба Шура баню решила истопить.

– Так ты иди, набирай! – вежливо посторонилась вторая. Артём хмыкнул, прицепил ведро к металлическому карабину и плюхнул его в утробу колодца.

– Какой молодец! Бабушке помогает! – заметила третья баба, будто его тут вовсе и не было.

Парень набрал обе ведра, подхватил их за душки и, расплескивая, понес к дому.

– На убийцу как-то не похож... – проговорила первая.

– На вора вроде тоже, – заметила вторая.

– Насильник, как есть! – наконец, сообразила третья. – Подпортил, небось, какую девку, вот отец его тут и спрятал, пока все не уляжется.

На том и сошлись.

Артём еще восемь раз сбегал к колодцу, пока баба Шура удовлетворительно не сказала, что теперь воды в баке хватит, а бабоньки все стояли и стояли, перемывая ему косточки одну за другой. К его последнему приходу история об из-

насиловании обросла такими ужасающими деталями и подробностями, что было принято решение ввести в деревне комендантский час для всех представительниц прекрасного пола от мала до велика. От греха подальше!

ГЛАВА 4

После походов к колодцу Артём не чувствовал ни рук, ни ног, а спина полыхала огнем от натруженности мышц. Он в Москве, конечно, ходил в спортзал дважды в неделю для поддержания физической формы, но большую часть времени там тратил на знакомство с симпатичными девушками, чем на тренировки. А тот марш-бросок, который устроила ему сегодня баба Шура не шел с его обычными нагрузками ни в какое сравнение.

Артём, постанывая и кряхтя добрался до печки, и только собрался залезть наверх, как за его спиной раздался бабушкин голос:

– Устал, соколик? – ласково спросила старушка, глядя внука по спине.

– Устал, – не стал припираться Тёма. – Я поваляюсь, бабуль. Ладно?

– Конечно-конечно, внучек. Полежи, отдохни. Только вот топор у меня совсем затупился... Я хотела баньку затопить... Глядь, а он тупее сибирского валенка, – причитала баба Шура. – Раньше Ванька точил... Сосед. Клавкин супружник. Да помер он в том году. А с той поры и некому поточить.

Артём поскреб пятерней затылок и полез с печки обратно.

После заточки топора он переколол целую поленицу дров и перетаскал ее к бане, нарвал кроликам три корзины травы, перестелил «бедным» курочкам солому в гнездах и только после этого бабушка позволила ему, наконец, вытянуться на печи.

Лежанка была теплой от огня. Баба Шура варила в котелке щи из квашеной капусты. Их вкус Тёма помнил с детства. Таких больше нигде никогда не ел. Даже в лучших столичных ресторанах ни один шеф-повар хоть с десятком мишленовских звезд не смог бы повторить этот рецепт. В этом Артём был абсолютно уверен.

Он достал из кармана джинсов свой айфон. Связи по-прежнему не было. Парень поднял руку под потолок и потряс им в воздухе. На экране появилось одно деление, которое продержалось ровно две секунды и снова исчезло.

– Черт! – выругался Тёма, окончательно теряя надежду поймать хоть слабенький сигнал.

– Ты чего это там богохульничаешь? – отругала его бабушка.

Она возилась у жерла печи и забрасывала очередные ингредиенты в котелок. И тут Тёма вспомнил, что бабушка упоминала про интернет в доме.

– Бабуль! – он свесился с печки прямо над головой старушки. – А какой у тебя пароль от вайфая?

– Чего тебе надо, не пойму? – нахмурилась баба Шура.

– Ну ты говорила, что отец тебе сообщение прислал через Телеграм. Значит ты как-то в сеть выходила? – не отставал внук.

– Выходила. Утром и выходила, – подтвердила она.

– Ну вот, – улыбнулся Тёма. – А как выходила?

– Через дверь, Артём! Чего ты пристал вообще? – старушка начинала злиться.

Парень закатил глаза и хлопнул себя по лбу.

– В Телеграм ты как попала?

– Как, как? Кверху каком! Вышла из дому, пошла по улице и уткнулась в почту. Там мне Тамарка, почтальонша наша и выдала эту телеграмму.

– Погоди... Так отец тебе что, прям настоящую телеграмму прислал? – у Артёма внутри все оборвалось.

– Странный ты какой-то, внучек. Ты точно институт кончал? Не ПТУ?

– В университете я учился, бабуль! – Тёма обиженно отвернулся и уткнулся носом в стенку.

– Ты чего там, обиделся что ли? – старушка потихоньку поднялась по приставной лестнице и потрепала внука по плечу.

Он дернулся, намекая, чтобы его оставили в покое.

– Нервный какой! – хмыкнула баба Шура, спускаясь. – Ну ничего, пустырничку заварю, попьешь... Как рукой все психи снимет. Ты щи-то есть будешь? Али твою порцию Шарикку отдать?

– Буду! – Артём вдруг почувствовал, как его желудок завязался от голода в тугой узел.

Он прыгнул с печки и уже через секунду сидел за столом. Бабушка открыла рукавичкой заслонку, отставила ее в сторону, затем взяла ухват на длинной палке, засунула его в горячее жерло, подцепила котелок и достала кипящее ароматное варево на стол. Тёма потянул носом воздух и закатил от удовольствия глаза. Баба Шура довольно заулыбалась.

– Кушай, внучек, кушай! – поставила она перед ним полную миску наваристых щей и положила рядом ломоть свежее испеченного хлеба. – Сегодня заслужил... Хорошо поработал!

– А если б не заслужил? – хмыкнул Тёма. – Тогда что? Голодным бы оставила?

– У нас в деревне так – кто не работает, тот не ест, – развела руками старушка. – Завтра вот будем картошку сажать! Артём закатил глаза и разочаровано замычал.

– Ты смерти моей хочешь, бабуль? Какая картошка? Я вечером в клуб собираюсь.

– Ну к утру-то вернешься же? – усмехнулась баба Шура. После обеда Тёме удалось все-таки немного вздремнуть, потом он от души напарился в горячей бане и, когда вышел, почувствовал себя так, будто заново родился. Кожа горела огнем, мышцы приятно ныли, но во всем теле ощущалась такая легкость, что хотелось летать.

Он перед зеркалом зачесал назад мокрые волосы и улыб-

нулся сам себе в отражении.

– Собираешься? – баба Шура вошла в дом и встала в дверях, наблюдая за внуком.

– Ага... Бабуль, а что, молодежи в деревне много осталось? Или поразъехались все? – спросил Артём.

– Кто-то уехал, кто-то остался...

– Девки-то есть симпатичные? – подмигнул он бабушке через зеркало.

– Тьфу-ты, – плюнула старушка. – Кто о чем, а вшивый о бане!

– Не-е... – рассмеялся Тёма. – В бане я уже был!

– У нас в Дергачах все девчата красивые! Только смотри, Артём, обижать их здесь тебе никто не позволит!

– Да не собираюсь я их обижать, бабуль. Я собираюсь их любить!

– Тьфу! – снова сплюнула старушка. – Потаскун! Как есть, потаскун!

Артём надел свои новые дизайнерские джинсы и обтягивающую белую футболку, выгодно подчеркивающую рельеф его мышц, и, как только за окном стемнело, отправился в деревенский клуб. В детстве, когда он был еще мальчишкой, они с друзьями с завистью поглядывали на неказистое здание местного дома культуры, где ночами собирались парни и девушки – танцевали, целовались. Они мечтали с Васькой и Глебом, что когда вырастут, станут такими же крутыми,

как Андрюха и Серый, за которыми тогда бегали все деревенские девчонки. Парни носили модные кожаные косухи и гоняли на «Уралах». И вот теперь он сам, спустя много лет, шел знакомой дорожкой на ночную дискотеку. Он побывал в сотне столичных клубов, но никогда не чувствовал ни перед одним походом такое волнение.

ГЛАВА 5

Когда Артём вошел, зал уже был заполнен наполовину. Девушки в разноцветных пестрых платьях танцевали в кружках, а парни, одетые в основном в чистые спортивные штаны и темные футболки, стояли вдоль стен и перешептывались. Местный ди-джей, притулившийся в углу, наваливал басов на допотопной стереосистеме. Звук был настолько плохой, а помещение такое тесное, что определить, какая именно композиция играет в данный момент не представлялось никакой возможности.

Тёма огляделся, пытаясь отыскать глазами своих друзей в полутемном зале. Когда они виделись в последний раз им всем было по двенадцать. Глеб в то лето как-то разом вытянулся в росте, стал худым и долговязым. Всегда плотного Ваську наоборот раздало еще больше вширь. Еще он жутко страдал от подростковой угревой сыпи, поэтому добрую половину каникул просидел дома, стесняясь выходить на улицу. Он тогда еще втрескался по ушу в Таньку из старших классов и мучился от ревности, когда увидел однажды, как она садилась к Андрюхе на мотоцикл.

«Интересно, какие они все сейчас? Сильно изменились или нет?» – подумал Тёма, все еще не решаясь пройти в глубь зала.

Сам-то Артём, конечно, поменялся... Тогда среди пацанов он был самым низким по росту и самым тощим. Мама специально привозила его в деревню к бабе Шуре на лето, чтоб хоть немного откормить на натуральных свежих продуктах. В городских-то магазинах на полках лежала сплошная химия. Его отец, Владимир Иннокентьевич, в то время еще не был богатым и успешным. Он только-только ушел с завода, где всю жизнь проработал инженером, и делал первые шаги в бизнесе. Денег катастрофически не хватало, и Тёма помнил, как завидовал одноклассникам, чьи родители могли позволить купить детям современные игрушки, гаджеты, брендовые шмотки.

Еще он мечтал как-нибудь сходить в Макдональдс, но мама была категорически против, чтобы он ел эту гадость. Несмотря на довольно плачевное финансовое состояние семьи, она всегда стремилась, чтобы сын питался правильно. Но в тот год мама заболела и умерла. Быстро... Фактически за два месяца сгорела. Отец нашел тогда в этом что-то хорошее – не долго мучилась, мол. Но Артём в этом ничего хорошего не видел. Он даже не успел толком с ней попрощаться, не успел сказать все, что хотел, не успел спросить о том, что тяготило душу...

А потом у отца вдруг резко пошли дела в гору. Появились деньги. Много денег. Но совсем исчезло время на сына. Тёма начал питаться фастфудом и почти круглосуточно был предоставлен самому себе. В учебе он резко сдал, хотя к

нему приставили самых дорогих репетиторов, каких только смогли найти. К бабке в деревню он ездить тоже перестал. Некому стало возить. Да и слишком многое здесь напоминало о маме, а он стремился забыть обо всем, что причиняло боль. Получилось не сразу, но со временем он научился быть циничным, эгоистичным и бездушным.

– Тёмка! – парни пробирались к нему сквозь толпу, расталкивая танцующих локтями.

– Здоровый какой стал, мужик! – Вася обхватил Артёма и поднял вверх.

Он стал размером с хороший шкаф. Высокий, здоровый, широкоплечий, с кулачищами, как молоты кузнеца. Рядом с ним долговязый Глеб выглядел просто щепкой.

– Здорово, пацаны! – Тёма обнялся по очереди со старыми друзьями.

– По деревне слухок пошел, что ты приехал к бабке, но не знали правда или нет, – сообщил ему Глеб.

– Ну мы так и подумали, если правда, то в клуб придешь! – широко улыбался Вася.

– А чего не заглянули, раз знали, что приехал? – упрекнул приятелей Артем. – Или узнали, что я теперь наркоман?

Тёма сделал кавычки в воздухе.

– Вообще, поговаривают, что ты кого-то в городе изнасиловал, – почесал затылок Глеб.

– Чего?! – заорал Тёма. – А я смотрю, чего это девки на

меня косо поглядывают! Вот дают бабы!

– Я удивлен, что после таких новостей вообще кто-то в клуб пришел! – хохотнул Вася.

– Ну вы же им сказали, что я никого не насиловал, не убивал и вообще ничего такого не делал? – приподнял одну бровь Артём.

– Ну... – промычал Глеб. – Мы ж не знаем, что с тобой город сотворил за те десять лет, что ты не приезжал.

– Я вообще-то в Москве живу. В культурной столице! Там музеи, театры, кино...

– И что? Хочешь сказать – никто никого не убивает и не насилует? – без обиняков спросил Вася.

– Ну не знаю... Преступность есть, конечно... Я живу в хорошем районе! У меня батя – бизнесмен! И вообще меня сюда сослали за то, что я Ламбу разбил! Вот!

– Ничего себе! У тебя Ламба есть? – восхитился Глеб.

– Была... – тяжело вздохнул Тёма. – Я ее на автобусную остановку намотал.

– Жесть! – покачал головой Васька. – А я в прошлом году трактор в речке утопил.

– Бухой был? – подмигнул Артём.

– А-то! – рассмеялся Вася. – В дрова!

– Братан! – они обнялись, похлопывая друг друга по спинам, словно поделились информацией о самых великих своих достижениях.

– Ну че, пошли постоим еще? – предложил Глеб, кивая на

парней, выстроившихся у стены.

– А вы чего не танцуете-то? – не понял Артём.

– Ты че? Западло. Пацаны только медляки танцуют! – объяснил ему Васька.

– Понял, – пригладил волосы Тёма. – Ну пошли тогда постоим!

Артём и Глеб шли за мощным Васей, который прокладывал им путь грудью и локтями. Растолкав младших парней у стены, они привалились к ней спинами и уставились на танцпол. Танцевать под такой грохот все равно было невозможно. Тёма даже не понимал, как парни различают в этой какофонии, когда начинается медляк.

Девчонки и в самом деле в деревне были красивые. Пышнотелые, румяные, натуральные. Тёма даже растерялся поначалу от такого разнообразия лиц и фигур. В московских клубах все были как под копирку – острый нос, высокие скулы, пухлые губы и накаченные сиськи, а здесь... Но он искал в толпе глазами Катю. Ту самую маленькую зубастую девчонку, которая в детстве, стоило ему приехать, уже с самого утра висела на заборе дома бабы Шуры, в ожидании, когда он проснется...

ГЛАВА 6

Едва заиграли первые ноты медленной композиции, парни, словно тени отделились от стен и двинулись в зал. И тут, наконец, Артём увидел Катю. Она стояла в противоположном конце зала в группе других девушек и обмахивала себя ладошкой. В клубе от большого количества людей и практически полного отсутствия вентиляции было очень душно, поэтому извивающиеся на танцполе тела были максимально разгоряченными.

Тёма рванул к ней, лавируя мимо медленно кружащихся в танце пар, но в самый последний момент, когда почти достиг ее, пышнотелая красотка со своим щуплым кавалером заблокировали ему путь, и он на мгновение потерял девушку из вида. А когда толстушка буквально схватила своего парня под мышку и потащила его обжиматься в уголок, освобождая дорогу, Кати среди подружек не оказалось.

Артём заметался по танцполу, ища ее повсюду глазами и, наконец, увидел в объятиях рослого рыжеволосого молодого человека. Он был одет в дембельскую форму с яркими эполетами и аксельбантами, на голове, свернутый лихо набекрень, сидел голубой берет. Тёма хотел было рвануть к Кате, сказать ей, что он здесь, что искал ее, но не решился. Он просто стоял и смотрел, как рыжий солдат шепчет что-то ей

на ушко, а она тихонько хихикает ему в ответ.

Мимо него проплывали слепленные воедино парочки. Пару раз его больно пихнули локтем в бок. Однажды даже специально. Долговязый Глеб кружил по залу с такой же высокой девицей в неприлично коротеньком платье, и, Тёма был уверен, они нарочно налетели на него, чтобы привлечь внимание. Кроме того, ему уже порядком отдавили ноги, футболка от пота намертво прилипла к спине, поэтому он решил выбираться из этой душегубки на улицу.

Пока от продирался к выходу, медляк закончился. Девушки снова сбились в кружки и задергались под ревущую из динамиков попсу, а парни опять приклеились к стенам. У дверей клуба нервно курил Васька. Увидев Артёма, он протянул ему смятую пачку, но тот покачал головой.

– Не курю! Бросил еще в одиннадцатом классе, – сообщил Тёма приятелю. – А ты чего здесь? Ждал же медляк...

– Ждал, да не дождался... – тяжело вздохнул Васька. – Увели прямо из-под носа!

Он выстрелил бычком в воздух. Тот пролетел огненной дугой, рассыпая вокруг себя искры и приземлился где-то в кустах. Васька яростно сжал кулаки и сплюнул на землю.

– И у меня тоже... – решил поддержать приятеля Тёма.

– А ты кого пригласить-то хотел? – прищутив один глаз посмотрел на него Васька.

– Да Катьку Свистунову... Помнишь, она все время за на-

ми таскалась в детстве? А сейчас так вымахала! – Артём показал руками округлости груди.

Васька громко и заливисто рассмеялся.

– Катку? – переспросил он, вытирая слезы рукавом олимпийки.

– Ну да... Она заходила сегодня. Мы поболтали... А что не так-то? Чего ты ржешь? – начинал злиться Артём.

– Ты на Катку замахнулся? В очередь вставай! – позади них с очень довольным видом появился Глеб.

– Да за ней полдеревни увивается. А ты решил, что приехал такой из города и забрал? – поддакнул Васька.

– Ну да, а что?

– Держи карман шире! – съязвил Глеб.

Васька протянул ему пачку, тот ловко достал сигарету и прикурил от спички.

– Я не понял, Катя с кем-то встречается? С тем рыжим что ли? Кто такой, кстати? – посыпал вопросами Тёма.

– Да ни с кем она не встречается... Особенного ждет... Не хочет просто так распыляться.

– Так вот же он я! – Артём провел по воздуху ладонями вдоль тела. – Чем не особенный?

– Ей любовь нужна, Тёмыч. Без обид, – Глеб точно также, как до этого Васька, отправил окурочек в кусты. – А ты, даже если и особенный, как говорится – поматросишь и бросишь. А Свистунова на такое никогда не пойдет! Можешь мне поверить.

– Ага, – согласился с приятелем Васька. – Тут и не такие приезжали. Только всем от ворот – поворот. Так что, не обессудь.

– Ну это мы еще посмотрим! – надулся Тёма. – А рыжий-то этот, кто такой?

– Да это Славка, из Ивановки. С армии только вернулся. Ходит, видишь, акселями понтуется? Только ему тоже ничего не светит.

В этот самый момент дверь клуба открылась и на улицу вышла Катя под ручку с тем самым рыжим дембелем.

– Привет, Тём, – она остановилась и улыбнулась ему. – Решил все же заглянуть на танцы?

– Да я так... Мимо проходил, – равнодушно протянул Артём, глубоко засунув руки в карманы джинсов. – А ты что? Уже домой? Могу проводить...

– Да меня Вячеслав проводит, спасибо, – ответила Катя, а ее рыжий ухажер расплылся в самодовольной улыбке.

– Ладно, – Артём старался изо всех сил делать вид, что это его нисколько не задело.

– Ладно, – снова улыбнулась Катя. – Мы тогда пойдем... Увидимся, Тём...

Они ушли по освещенной фонарем проселочной дороге, весело болтая и смеясь. Славик старался как мог, чтобы развлечь девушку и, судя по всему, ему это неплохо удавалось.

– Увидимся, Тём! – передразнил Катю Артём и скрипнул зубами. – Что она в нем нашла вообще?

Его приятели покатались со смеху, видя, как он ревнует и злится.

– Пошли к Ваське что ли, посидим. За встречу... – предложил Глеб. – Десять лет все-таки не виделись!

– Пошли... – согласился Артём, провожая взглядом почти скрывшиеся вдали две темные фигурки.

ГЛАВА 7

Сидели во дворе Васькиного дома в беседке. Васька сразу велел разговаривать тихо, чтобы не разбудить отчима. Ему вставать рано утром, уезжает на вахту.

– Не выспится дядь Саша – мамка всем разгон устроит, – заверил он друзей.

В общем, шуметь и не стали. Под лавкой была припрятана бутылка первача, заткнутая пробкой из скрученной газеты, там же стоял запыленный граненный стакан и початая банка огурцов под резиновой крышкой.

– Это дядь Сашин схрон, – сообщил Васька. – Мамка не знает. А он сам уже забудет, как вернется.

Глеб вытащил зубами бумажную затычку и выплюнул ее на пол. Он плеснул добрую половину стакана и протянул Артёму.

– Ну – за встречу, – Тёма сделал большой глоток и с трудом удержал в себе огненную жидкость.

– Глотай-глотай, хлюпик! – заржал Глеб.

– Мамка гнала, – подмигнул Васька. – На ржаном хлебе.

– Хорошо, что не на навозе! – Тёма вытирал тыльной стороной ладони выступившие слезы. – А то я слышал, сейчас и из него делают.

– Ну а че? – хохотнул Глеб. – Натур-продукт!

– Натур... – Артём с хрустом откусил соленый огурец и снова сморщился. – Кислятина!

– На закусь самое то! – заверил его Васька и забрал из рук стакан.

– Ну давай, рассказывай! Как сам? Как житуха в Москве? – положил Артёму руку на плечо Глеб.

Тёма пожал плечами.

– Да хорошо в Москве. Там жизнь кипит, понимаете? – глаза у него заблестели. – Там девочки такие – закачаешься! Ноги от ушей, грудь, попка... Губки пухлые, коготки острые. Шпильки, чулочки кружевные... Трусики в кулачке помещаются... Если вообще есть...

Парни смотрели на Артёма раскрыв рты.

– А что? Бывает, что нет? – не поверил ему Васька.

– Еще как бывает! Танцуешь с ней в клубе, рукой по бедру проводишь, а там ничего...

– Эх... – завистливо вздохнул Васька. – У нас в клубе если девушке по бедру проведешь, можно и по харе огрести...

– Да что они у вас дикие-то такие? В двадцать первом веке живем!

– Это вы там в Москве в двадцать первом! – хохотнул Глеб. – А мы все еще в каменном!

– Ну значит надо и действовать, как в каменном! Дубинкой по голове, на плечо закинул и поволок в пещеру!

– А у тебя невеста есть? – поинтересовался Вася.

– Да какие невесты? – отмахнулся Артём. – Ты прям как моя бабуля рассуждаешь! Молодой я еще, не нагулялся!

– Эх... А я бы женился, – снова вздохнул Васька.

– Так и женись! Раз хочешь... В чем проблема-то? – удивился Тёма.

– Ой... Зря ты спросил! – закатил глаза Глеб. – Он все по Таньке страдает...

– Что? Неужели по той самой? Со школы еще? – брови у Тёмы поползли вверх.

Он вообще плохо себе представлял, как половозрелому парню может так долго нравиться одна и та же девушка.

– Да, по той самой! – огрызнулся Васька.

Он надул свои и без того пухлые губы и сложил руки на груди, закрываясь от приятелей.

– Да ладно тебе, не обижайся, – потрепал его по плечу Артём. – Ну а она что? Не хочет за тебя выходить?

– Я не предлагал! – буркнул Вася.

– А чего ждешь? – не понял Тёма.

– Да она у нас такая... – Глеб хохотнул и многозначительно покрутил ладонью в воздухе.

– Какая – такая? – заинтересовался Артём.

– Ну разбитная... – уточнил Глеб и добавил, понизив голос: – Давалка, короче.

– Не смей ее так называть! – Васька вскочил с лавки, сжал кулаки и попер на Глеба.

Артём едва успел вклиниться между ними и разнять.

– Тише, тише, парни! Давайте без кулачных боев обойдемся!

Вася тяжело дышал, пыхтел, пытался через Артема дотянуться до обидчика.

– А скажи еще, что это не так! – подначивал друга Глеб. – Да к ней со всей округи пацаны приезжают. Думаешь, зачем?

– Да заткнись ты! – осадил его Артём. – Не видишь, он и так злится уже.

– Ладно, ладно... Прости брат, – Глеб с опаской протянул руку Ваське.

Тот сначала отвернулся, но затем ладонь все-таки пожал.

– Да прав Глеб... – Васька опустил на скамейку и закрыл лицо руками. – Она со всеми гуляет, кроме меня. Не замечает даже, словно я пустое место!

– Я уже не могу видеть, как он по этой ша... Прости... Как он, короче, убивается. Похудел вон весь! – Глеб сел рядом и положил руку другу на плечо. – Плюнь ты на нее! Вон сколько девчат хороших!

– Да не могу! – Васька снова вскочил, выбежал из беседки и скрылся в глубине сада.

– Куда это он? – Артём удивленно посмотрел на Глеба.

– Плакать побежал за амбар... – махнул рукой тот.

– Ну капец! Надо с этим что-то делать! Не годится это, чтоб мужик так за девкой убивался!

– Да ладно б еще девка нормальная была, а то так, сплошное непотребство! Тьфу!

Глеб поднял стакан, плеснул на дно еще самогона и протянул Тёме.

– Давай на посошок. Думаю, он сегодня уже не вернется. А мне вставать рано, хочу на реку сходить, порыбалить. Не хочешь со мной, кстати?

– Не-а, – Тёма покачал головой и опрокинул в себя содержимое стакана. – Мне завтра картошку сажать.

– Припахала тебя бабка Шура? – усмехнулся Глеб, забрал у Артёма стакан и налил себе.

– Ага, припахала...

– Она может... С ней не забалуешь! – Глеб выпил, понюхал надкусанный огурец и тряхнул головой. – Хорош, зараза!

Когда Артём вернулся домой бабушка еще не спала. Она уже разобрала кровать, внуку постелила чистое белье на печке и собиралась укладываться.

– Чей-то ты рано вернулся? – покачала старушка головой, встречая Артёма в дверях. – Обидел что ль кто?

– Да брось ты, бабуль! Кто ж меня обидит? – ухмыльнулся он. – Вот только ваши местные сплетницы всех девчонок от меня шуганули. Разнесли по всей деревне, что я кого-то в городе изнасиловал.

– Вот же ведьмы проклятые! – всплеснула руками баба Шура. – Что вот мелят? Язык – без костей! Уж я завтра им космы-то повыдираю! Ты же ведь никого не насиловал?

– Бабуль! И ты туда же? – обиделся Артём.

– Все-все! Я просто уточнила... – поспешила исправиться

бабушка. – Ну иди, ложись. Утро вечера мудренее...

Тёма кивнул, устало клюнул бабушку в сморщенную щеку и полез на печку.

ГЛАВА 8

Утро в деревне, как оказалось, начиналось в пять утра, чего Тёма никак не ожидал. Едва встало солнце, за окном загорланил соседский петух. Он разбудил Шарика, который не преминул огласить округу своим заливистым лаем. Завозилась на кровати баба Шура и тут же встала. Загремели на кухне чашки, зашумел согревающий воду чайник на газовой плитке, дом наполнился ароматами трав, которые бабушка клала в чай, зашкварчало на сковороде растопленное сало, зашипели поджаривающиеся яйца.

Артём, разбуженный всеми этими стремительно ворвавшимися в его сон звуками и запахами, протяжно застонал.

– Можно потише, бабуль? – проворчал он и глянул одним глазом на экран телефона. – Полшестого утра!

– Кто рано встает, тому бог подает! – парировала его недовольство баба Шура. – Вставай, лежебока! Завтрак на столе.

– Я еще не проголодался, – Тёма перевернулся на другой бок и постарался поскорее снова погрузиться в сон.

– Как хочешь... – пожала плечами старушка.

Артём проспал почти до самого обеда. Встал так, как привык в Москве. Он потянулся, по привычке схватился за айфон, чтобы полистать ленту в социальных сетях, но вспомнил, что интернета нет и со злостью отшвырнул бесполезный

кусок дорожущего пластика.

Бабы Шуры дома не оказалась. Ее кровать была аккуратно заправлена, посуда вымыта и расставлена сушиться на полотенце, футболка Тёмы висела постиранная на веревке, натянутой через всю кухню. Он слез с печи, размял затекшие после сна конечности и почувствовал, что жутко проголодался. В памяти всплыл утренний запах яичницы со шкварками, и рот тут же наполнился слюной.

Артём полазил по кухонным шкафчикам, заглянул в холодильник и в печку в поисках чего-нибудь съестного, но обнаружил, что завтрака для него баба Шура не оставила.

– Бабуль! – крикнул он в надежде, что бабушка отзовется, но старушки и след простыл.

Тёма ополоснул лицо в умывальнике, вытерся свежим полотенцем и вышел на крыльцо. По двору, весело квохча, гуляли курочки-пеструшки. Они беззаботно разгребали лапками землю в поисках земляных червей. Между ними, словно надзиратель, важно выхаживал беленький молодой петух с ярко-красным гребнем, лихо заваленным набекрень. Он сурово покосился на чужака, замахал грозно крыльями, словно предупреждая, что это его территория и трижды отрывисто прокукарекал.

– Да не трогаю я твоих кур, – отмахнулся от него Тёма. – Ты бабу Шуру не видал, случайно, горластый?

– С петухом разговариваешь? – раздался из-за забора насмешливый девичий голос.

– Катя? – улыбнулся Артём. – Ты чего здесь?

Он сбежал с крыльца и устремился к калитке. Катя стояла у дома, сжимая в руках большую плетеную корзину. Местные жители использовали такие для похода за покупками, вместо пакетов.

– Я в магазин иду. Мамка за мукой послала, – ответила девушка. – Собралась пирожки со щавелем постряпать, а мука закончилась.

– Пирожки со щавелем... – Артём закатил глаза, вспоминая вкус своего детства.

Когда он как-то в школе упомянул о них одноклассникам, его подняли на смех. Оказалось, что никто из его столичных приятелей о таком деликатесе даже не слышал, не говоря о том, чтобы попробовать.

– Я принесу, – пообещала Катя. – А ты почему не на картошке? Я думала, ты бабушке помогать приехал, а она там одна в поле работает...

Тёме показалось, что он услышал в голосе девушки легкий упрек и смутился.

– Проспал, кажется... – почесал он затылок и опустил глаза в землю.

– Эх, Тёма, Тёма... – покачала Катя головой.

– Да пойду я сейчас помогать! Что ты начинаешь?

– Да мне как-то все равно, – вздернула подбородок девушка.

– Сказал, пойду! – огрызнулся Артём.

– Ладно... Увидимся, – Катя как-то резко сорвалась с места и почти побежала по дороге к магазину.

Артём смотрел ей вслед, пока она совсем не скрылась из виду, и только после этого нырнул в дом, стянул с веревки еще слегка влажную футболку и натянул на себя. Желудок напомнил о себе протяжным урчанием. Парень для верности еще раз проверил холодильник на наличие чего-нибудь съестного и сделал вывод, что бабушка специально спрятала от него еду, словно в наказание.

– Да черт с ним, – махнул Тёма рукой. – Перетерплю...

Он выпил на голодный желудок стакан воды, нашел в сарае лопату и вышел со двора. Картофельное поле находилось на окраине деревни. Артёму пришлось пройти через колодец, где все те же сплетницы сцепились языками, обнявшись с коромыслами, через главную деревенскую площадь, через продуктовый магазин. Местные жители всюду провожали его недоверчивыми взглядами. Когда, наконец, впереди показались поля, он облегченно выдохнул. Тёма шел мимо пашни и искал глазами знакомую бабушкину фигурку.

Неожиданно позади него раздался оглушительный рев и из столба пыли вылетел старенький «Урал». Глушитель, кажется, оторвался давным-давно, но его владельца это как будто совсем не беспокоило. На стальном коне гордо восседал тот самый Андрюха, которым Тёма и его приятели восхищались в детстве. На нем была та же самая кожаная косуха, побитая временем, отчего казалась еще круче. На голове

у парня вместо шлема красовалась выцветшая бейсболка, во рту, приклеенная к нижней губе, висела самокрутка.

Андрюха обогнал Тёму, окутав его облаком дорожной пыли, смешанной с выхлопными газами, и резко затормозил.

– Здорова, щегол! – раздался насмешливый голос.

Артём прикрыл рот и нос локтем, стараясь не дышать, но не получалось. На зубах уже скрипел песок, а легкие выжигало огнем.

– Здорова, Андрюх, – откашлявшись поприветствовал парня Тёма.

– А я еду, смотрю – ты, не ты... А это, оказывается, ты! Не врази бабы-то!

Андрей заглушил мотор, слез с «Урала», подошел к Тёме и протянул ему огромную мозолистую ладонь. За десять лет, что они не виделись кумир детства, конечно, изменился. Сейчас ему было уже под тридцать, но, судя по всему, титул первого парня он сдавать не собирался.

– Приехал, стало быть, – Андрюха крепко затянулся и отстрелил окурок далеко в поле.

– Приехал, – кивнул Тёма.

Раньше ни Андрюха, ни Серый даже не заговорили бы с Артёмом, считая и его, и Глеба с Васькой сопляками, не достойными даже взгляда. Разве что могли послать за самогоном к тете Гале. А теперь ему жали руку, и от этого у него что-то всколыхнулось в душе. Что это было? Может гор-

дость? Или радость? Но Тёме понравилось.

– Ну че? – Андрюха достал новую самокрутку и прикурил от спички. – Проставляться будешь? За приезд?

– Да можно... – пожал плечами Тёма. – А когда?

– Прямо сейчас! – хохотнул Андрюха. – Там у Серого трубы горят. Помирает на автостанции. Так что давай, запрыгивай! Угощать будешь!

Он сел на мотоцикл. Заревел мотор.

– Да я вроде как обещал бабушке с картошкой помочь... – пробормотал Тёма.

– Ниче не слышу! – заорал Андрюха, показывая на ухо. – Прыгай, давай! Потом расскажешь.

Тёма тяжело вздохнул, уселся позади водителя и обхватил его за талию свободной от лопаты рукой.

– Ты там это... Не жмись, как баба! – рыкнул Андрюха. – Там если че, ручка есть!

– Понял... Прости... – Артём нащупал хлипенькую пластиковую ручку и вцепился в нее.

Шины взвизгнули, взрывая колесами грунтовку, «Урал» сорвался с места и помчал, поднимая за собой пыль. Тут Артём и увидел ее – маленькую сгорбленную старушку, копошашуюся в одиночку на огромном поле рядом с мешком картошки.

Домой Тёма вернулся под утро. Без лопаты и дизайнерских кроссовок, которые пришлось перепродать Андрюхиному брату. Оказалось, что банкоматов в деревне нет, а про

безналичную оплату в местном продуктовом никто слыхом не слыхивал...

ГЛАВА 9

Проспал Тёма на печи до самого вечера, мучимый жаждой и похмельной лихорадкой. Когда он, наконец, встал, бабы Шуры дома снова не обнаружил, как и запасов еды в холодильнике, а желудок от голода уже горел огнем. Вчера он закусывал одними солеными огурцами, от которых толку – одна изжога. Грязная одежда, небрежно скинутая им накануне, так и валялась кучей на полу. Бабушка не постирала.

– Обиделась, наверное, – заключил Тёма, нюхая пропахшую табачным дымом и потом футболку.

Остальная его одежда была сильно мятая, так как во время сборов он психовал, поэтому кое-как скомкал ее и побросал в чемодан. Парень искал уют, и даже нашел нечто отдаленно на него похожее, но не обнаружил шнура. Он смекнул, что вряд ли это была усовершенствованная модель, работающая от аккумулятора. На вид уюту можно было дать лет двести.

Покрутив чудо-устройство в руках, но так и не разобравшись, как им пользоваться, Артём натянул мятые штаны и футболку и вышел во двор. Шарик валялся под крыльцом. Пес поднял морду, втянул носом воздух и громко чихнул.

– Да знаю я, – отмахнулся от него парень. – И без тебя тошно.

Он осмотрелся. Во дворе бабушки тоже не было, но в палисаднике у забора стояла воткнутая в землю лопата. Та самая, что он вчера так безалаберно потерял, с перемотанной синей изолентой ручкой. От ее вида у Тёмы даже как-то потеплело на душе. К рукоятке скотчем был приклеен клочок бумаги. Он трепыхался на ветру, готовый вот-вот оторваться и улететь. Парень подошел, оторвал записку, написанную ровным, почти каллиграфическим бабушкиным почерком и прочел: «Кто не работает, тот не ест. Это закон!».

Напоминание о еде отозвалось громким урчанием в животе. Тёма почесал затылок, руки мелко потрясывались и плохо слушались, но другого выхода ему не оставили. Можно было, конечно, продать свои вторые кроссовки и купить что-то из снеди в местном магазине, но тогда ему пришлось бы ходить в обносках, которые ему вчера с барского плеча отвалил Андрюха, до конца своей ссылки.

Артём с усилием вытащил лопату из сухой потрескавшейся без дождей земли и оценил масштаб работ. Вышло примерно на три сорванных спины. Но он знал, если не сделает, то умрет долгой мучительной голодной смертью.

Солнце палило нещадно. Футболка за считанные минуты пропиталась потом и прилипла к телу, но зато хоть разгладилась. Поясницу ломило так, что приходилось стискивать зубы от боли. Лопата натерла ладони до кровавых мозолей.

– Да как они вообще здесь выживают?! Это же дикость какая-то! – выругался парень, рассматривая новый надува-

ющийся пузырь на большом пальце правой руки.

– Привет, Тём, – из-за забора показалась Катина голова.
– Работаешь?

Девушка игриво улыбалась. Артём понял, что она уже некоторое время наблюдала за ним, и тут же постарался сделать выражение лица более беззаботным.

– Да вот, покопать решил немного. Мышцы разогреть, – он оперся подбородком на лопату. – А ты чего тут?

Катя открыла калитку и вошла во двор. От ее вида у Тёмы загорелись глаза. В руках девушка держала полную миску горячих румяных пирожков.

– Вот, – показала она тарелку. – Как обещала. Со щавелем.

– Да ты ж моя спасительница! – Тёма забыл и о боли в спине, и о кровоточащих мозолях.

Он бросил лопату на землю, схватил в каждую руку по пирожку и по очереди откусил от обоих.

– М-м-м... – парень закатил глаза от удовольствия. – Вкуснотища-то какая!

Катя рассмеялась заливистым звонким смехом.

– Какой же ты забавный, Тём!

Они уселись вместе на завалинку бабушкиного дома. Артём за пару минут умял десяток пирожков и удовлетворенно откинулся на стену дома.

– Тебя что, баба Шура совсем не кормит? – удивленно спросила Катя. – Как-то это на нее совсем не похоже! Обыч-

но она очень хлебосольна...

– Да это папаша ей, наверняка, напел что-то... Воспитывает она меня так! – махнул рукой парень.

– Ты вроде уже взрослый, чтоб тебя воспитывать-то, – де-вушка с интересом рассматривала его лицо.

– Так и я о том же! Поздновато спохватились! Воспитывать раньше надо было. А теперь уже – что выросло, то выросло...

– Мы ведь с тобой так и не поговорили толком с тех пор, как ты приехал, – Катя вдруг стала серьезной. – Как ты вообще? Я слышала про твою маму... Мне так жаль...

Артём вздрогнул, напрягся всем телом. Он не любил говорить на эту тему, старался запрятать все воспоминания поглубже и, желательно, больше не доставать.

– Я уже пережил это, – резко ответил он. – Давай не будем ворошить прошлое...

– Прости... – Катя нежно коснулась его руки. – Не хотела тебя расстроить.

– Я не расстроен, понятно? – занервничал Тёма. – Не надо меня жалеть!

– Прости еще раз...

Девушка поднялась, опустила глаза и нервно скомкала подол платья.

– Я, пожалуй, пойду... – она поспешила к калитке.

– Черт... – тихонько выругался Артём. – Да подожди ты!

Он пустился догонять ее. Катя остановилась, обернулась.

– Не обижайся, пожалуйста, – парень взъерошил рукой волосы. – Просто эта тема... Она слишком болезненная... До сих пор... Здесь и так все слишком напоминает о ней, чтобы еще говорить об этом.

– Ладно... Я поняла. Не хотела тебя ранить, – Катя виновато улыбнулась. – Просто иногда, когда больно, нужно выпустить эту боль наружу. Проговорить о ней с кем-то, кто сможет тебя понять... Пусть даже снова пережить ее. И тогда становится легче. Я знаю...

– Да откуда ты можешь это знать?! – вопрос прозвучал слишком резко.

– Папа умер три года назад... Утонул на зимней рыбалке...

– О-о-о... Я не знал... – Тёма тронул ее за плечо. – Прости...

– Ничего... Ты не мог знать... Скажи, Тём, а ты когда-нибудь вспоминал о нас? Там, в Москве?

– Ну-у... Иногда вспоминал, – соврал он.

Скучал по Дергачам Артём только в самое первое лето после смерти матери. Его первое лето в душной Москве, когда он впервые почувствовал такое нестерпимое одиночество, что готов был уже идти пешком в деревню. А потом прошел год, затем второй, и воспоминания о счастливом детстве стерлись вместе с теми воспоминаниями о матери, которые он хотел так упорно в себе подавить.

– А я о тебе часто вспоминала, – ворвался в его мысли

Катин голос. — Правда, я уже и не думала, что увижу тебя когда-нибудь снова...

— Вот видишь? Я умею удивлять! — расплылся он в самой очаровательной улыбке, на которую только был способен.

— Действительно, удивил, — согласилась Катя.

— Ну а что, Катюш? Может погуляем вечером? На танцы пойдешь со мной? — подмигнул ей Тёма.

— Хорошо, — согласилась девушка. — Тогда в клубе встретимся?

— Часиков в девять вечера?

Катя кивнула и улыбнулась.

— Тогда до встречи?

— Ага...

— А за чашкой я завтра зайду...

Катя резко развернулась, выскочила из калитки и припустила по дороге. Тёма пригладил рукой волосы и ухмыльнулся. Не так уж в Дергачах и плохо, как он думал. Вечером его, кажется, ожидала награда за все те страдания, что выпали на его долю.

ГЛАВА 10

После ухода Кати Тёма взялся было за лопату, но его снова отвлекли от работы. Едва он вогнал штык в землю, на заборе повисли его приятели.

– Здорова, Тёмыч! – протянул ему руку через штакетник Васька.

– Где пропадал вчера? – прищурил один глаз Глеб.

– Бухал у Серого в автомастерской... – закатил глаза Артём, показывая, как сильно об этом сожалеет. – Чуть не умер... Здоровы же они пить!

– Нашел с кем соревноваться! – хохотнул Васька. – Они же быки!

– А вообще, зря ты с ними связался... – Глеб перемахнул через забор и приземлился рядом с Артёмом. – Нехорошими делами эти двое промышляют.

– Я думал, они крутые парни, – поскреб затылок Тёма.

– Это смотря в чем оценивать крутость, – Вася не рискнул сигать через забор, поэтому вошел через калитку и тут же заметил миску с пирожками, которую Тёма пристроил на пеньке под яблоней. – Ничего себе ты тут разговляешься! А по деревне ходят слухи, что бабка тебя в черном теле держит!

Парни захохотали.

– Да есть добрые люди, – хмыкнул Тёма. – Подкармливают. А то реально бы уже ноги протянул.

– Это кто ж тебя так одарил? – Глеб выудил из миски пирожок и откусил сразу половину.

– Да Катька принесла, – пожал плечами Тёма, а Глеб на мгновение застыл, забыв, как жевать.

– Свистунова? – парень с трудом проглотил застрявший в горле кусок. – Да брешешь!

– Да реально, говорю тебе! Сама принесла! – Артём расплылся в самодовольной ухмылке.

Парни уселись на завалинке, где буквально пять минут назад они сидели с Катей. Васька достал из кармана смятую пачку и закурил.

– Странно все это... – протянул он.

– Ничего странного! Вы ж сами говорили, что она ждет кого-то особенного. И вот он я! И кстати, – Тёма подмигнул друзьям, – сегодня мы идем с ней на танцы. Так что, кое кому вечером светит что-то большое и чистое.

– Да закатай! – хохотнул Глеб. – Размечтался! Не даст она тебе!

– А это мы еще посмотрим! Если надо, я умею быть обаяшкой! – Артём театрально состроил глазки. – Мне еще никто не отказывал!

Парни заржали. Тёма подцепил пальцами свою футболку, понюхал и сморщился.

– Помыться только надо! А то пока для Кати имеется только что-то большое...

– Ты так в себе уверен... – протянул Вася, тяжело вздохнув. – А я только рядом с Танькой оказываюсь, сразу краснею, потею и забываю все слова. Как вот ты это делаешь?

– Да это он понтуется перед нами! – хохотнул Глеб. – Видел я, как он стоял пнем и зыркал, как Катька со Славиком вальсирует.

– Да ничего я не понтуюсь! – закипел Тёма. – Сегодня же в постель ее уложу!

– Ага! – заржал снова Глеб. – К бабке Шуре под бочок?

– Черт... – поскреб затылок Артём. – А реально, где вы это делаете? Тут же даже гостиницы приличной нет!

– Да тут никакой нет. Даже неприличной, – развел руками Васька. – На сеновале обычно...

– Тебе-то откуда знать? – подколот друга Глеб. – Тебе ж никто не дает!

– Да заткнись ты! – обиделся Вася.

Он надул свои и без того пухлые щеки и отвернулся.

– Эй... Приятель! Ты че, реально девственник что ли? – удивился Тёма, заставив Ваську густо покраснеть.

– Думаешь ему много кто дает? – мотнул Вася головой в сторону Глеба. – Разок перепало, теперь кичится при каждом удобном случае.

– Ну разок, не разок... Ты свечку что ли держал? А факт остается фактом, – Глеб довольно ухмыльнулся.

– Не, братцы, так не пойдет! – Тёма подсел к Ваське на завалинку и обнял приятеля за плечо. – Я тебе обещаю, сделаем мы из тебя мужика!

– Да как? – повесил голову Васька.

– Перед тобой самый крутой столичный пикапер! – Тёма хлопнул себя открытой ладонью в грудь.

– Кто? – не понял Васька.

– Специалист по обольщению представительниц слабого пола самого разного калибра! – Артём театрально поклонился.

– Бабник, короче, – расшифровал Глеб.

– Ага, – согласился Тёма. – Или, как говорит моя бабуля, потаскун обыкновенный.

Друзья дружно рассмеялись, а у Васьки в глазах вспыхнул проблеск надежды.

– Ты правда мне pomoжешь? – поднял он глаза на приятеля.

– Правда, – подтвердил Тёма. – Но только при одном условии. Ты pomoжешь мне управиться с бабкиной баней. Сегодня вечером я должен благоухать, как майская роза.

– Договорились, – Васька протянул Артёму руку.

– Ой, что-то слабо верится мне в успех вашего предприятия, – Глеб сложил руки на груди.

– А вот спорим! – предложил Тёма. – Я сегодня же пересплю со Катькой, а Ваське даст Танька!

– Сегодня? – с надеждой спросил Вася.

Артём смерил его оценивающим взглядом и покачал головой.

– Нет. Тут надо еще доработать напильником... Но в самое ближайшее время! – затем он снова обернулся к Глебу.
– Ну так как?

– Ну, ты, Тёмыч, мне друг... Поэтому на Ваську я спорить не буду. Это гиблое дело... А я человек честный. А вот как ты Свистунову уложишь, я бы посмотрел!

– Эй! – запротестовал Васька. – Почему это гиблое?

Глеб смерил друга взглядом и поджал губы.

– Не переживай, Вась. Я тебе без всякого спора помогу. Получишь ты свою Таньку. Слово пацана даю!

Вася немного успокоился.

– А я вот верю, что у Артёма все с Катей получится, – подбодрил он приятеля.

– Так я ж не против! Спорим! – протянул открытую ладонь Глеб. – На что?

– Да на что хочешь! – пожал руку друга Тёма.

Глеб на секунду задумался, пожевал нижнюю губу и хитро усмехнулся.

– Да вот на твои кроссовки модные!

Артём поморщился.

– Последние остались... Одни я вчера уже прогулял...

– Тем слаще победа! – подмигнул Глеб.

– А если проспоришь? – Артём встал с завалинки и с вызовом смотрел приятелю в глаза.

– Кортик тебе дедов отдам! Помнишь, как он тебе в детстве нравился? – предложил тот.

Тёма помнил...

– Васька, ну-ка разбей! – распорядился он.

Ваську долго уговаривать не пришлось. Он рубанул рукопожатие ребром ладони, закрепив священный уговор. Как бы он хотел, чтобы Тёма вышел из этой игры победителем. Он почему-то был уверен, если у того получится с Катей, то и Танька не устоит перед современной наукой оболыщения.

ГЛАВА 11

Баба Шура вернулась с поля как раз к тому моменту, когда Тёма, начищенный до блеска уже собирался выходить из дома. Васька научил его, как пользоваться местным утюгом – оказалось, чтобы погладить, его предварительно нужно было нагреть на газовой плитке – поэтому одежда на нем была идеально выглажена. Правда потратить на это пришлось около часа времени.

– Опять гулять? – проворчала старушка, не глядя на внука. – Когда ж ты уже нагуляешься-то?

Артём заметил, какая бабушка была уставшая и разбитая после тяжелого рабочего дня под солнцем, и его слегка кольнула совесть. Он вспомнил, что ее задание так и не выполнил. Лопата осталась торчать в самом начале палисадника в некопаной земле.

– Свидание у меня, бабуль, – начал оправдываться Тёма. – С Катей.

Старушка нахмурилась.

– Знала бы она, какой ты лоботряс, никогда б не согласилась! Она девушка работающая... А ты... Тьфу!

Баба Шура устало опустилась на стул. На столе стояла пустая миска из-под пирожков со щавелем.

– Ну вот что ты завелась? – разнервничался Артём. – Ни-

какой я не лоботряс! Приехать не успел, ты меня уже работой загрузила под завязку! Я десять лет в Дергачах не был! Я вчера вообще-то к тебе шел. С лопатой. Просто старых друзей встретил и... Короче, так получилось...

– Миска откуда? – баба Шура не приняла его оправданий.

– Да Катя пирожки принесла. Со щавелем... – в голове парня промелькнула мысль, что надо было оставить хоть пару штук для бабушки. – Тут пацаны заходили. И все сожрали.

Он снова оправдывался, хотя теперь уже четко понимал, что выглядело все это некрасиво.

– Я там баню истопил, – сообщил он, глядя на грязную одежду бабушки.

Пыль плотно забила все морщинки на ее руках и лице. Она ничего не ответила. Только молча кивнула и стянула косынку с седой головы.

– Ну я пойду...

Тёма еще какое-то время помялся в дверях, но, поняв, что баба Шура разговаривать с ним не желает, выскочил из дома. Настроение было конкретно подпорчено.

Катя ждала его у входа в клуб. На ней было простенькое голубое ситцевое платье в горошек, Артём же по случаю важного свидания надел хлопковые брюки и рубашку. В Москве девушки обычно млели от этого образа, поэтому он рассчитывал, что и на Катю это произведет впечатление. Катя оценила.

– Какой ты сегодня элегантный, – сделала она ему комплимент.

– Хотел понравиться, – признался Тёма, вызвав у девушки улыбку.

– Удалось, – ответила Катя. – По сравнению с утром, выглядишь очень бодро!

– Прикалываешься? – догадался парень. – Не рассчитал свои силы просто...

– Слышала, ты был у Сергея на станции? – с укором спросила она, хотя Тёма понял по ее тону, что вопрос был риторическим.

В Дергачах, как оказалось, вообще было сложно что-то утаить от местных жителей. Новости здесь распространялись со скоростью, близкой к космической.

– Не стоит тебе с этими ребятами дружбу водить, Тём, – предостерегла его девушка.

– Да мне уже об этом сообщили, – Тёма тяжело вздохнул и пригладил волосы рукой. – Мы танцевать-то пойдем? Или продолжишь читать мне нотации?

– Пойдем, конечно, – Катя опустила глаза в землю. – Прости... Я не со зла...

– Знаю, – улыбнулся Артём. – Просто все никак не могу привыкнуть, что ты уже такая взрослая... Когда я тебя видел в последний раз тебе лет десять было?

– Девять, – поправила его Катя.

– Значит сейчас тебе... – он задумался, подсчитывая в уме, – девятнадцать?

– Верно, – кивнула она и улыбнулась. – Вообще-то неприлично спрашивать у девушки о ее возрасте.

– Ну прости, – Артём развел руками.

В Московских клубах знать сколько девушке лет было гарантией безопасного секса. Девятнадцать его полностью устраивало. Из зала через приоткрытую дверь донеслись звуки медленной музыки

– О! Медляк! – Тёма протянул Кате руку. – Хотя в этот раз успею!

– Ты хотел пригласить меня в прошлый раз? – застеснялась девушка.

– Хотел... Но меня опередили... – усмехнулся Тёма. – Что у тебя с этим рыжим, кстати?

– Да ничего, – пожала плечами Катя. – Один раз потанцевали, и один раз проводил домой.

– Что? Даже на свидание не позвал?

– Почему? Позвал... Просто я отказалась.

Тёма удовлетворенно кивнул и потянул девушку внутрь клуба. Песня уже набирала обороты, а в зале было не протиснуться от танцующих пар. Они прошли в самый центр. Артём положил ладони Кате на талию и прижал к себе. Она обвила его шею руками и заглянула в глаза. Был этот взгляд такой теплый, такой доверчиво-наивный, что у Тёмы аж кольнуло под ребрами. Он отвел глаза, зарылся носом в ее воло-

сы и тяжело вздохнул. Они медленно раскачивались в такт музыки, слушая сердцебиение друг друга, и еще долго стояли обнявшись, когда песня уже закончилась.

На дискотеке они пробыли почти два часа. Катя с подружками танцевала в кружочке, Тёма терпеливо ждал с приятелями у стенки. Медляки включали шесть раз, и все шесть раз они танцевали вместе.

– Ну что, готовь кортик! – подмигнул Артём Глебу, вернувшись после очередной медленной песни к друзьям.

Глебу сегодня не везло с партнершами, а Васька даже и не пытался кого-нибудь пригласить. Он не сводил глаз с Таньки, которая за шесть танцев успела сменить шестерых парней.

– Что-то ты расплясался, – усмехнулся Глеб. – Ты кроссовки-то мои новые особо не мни!

– Закатай! – Тёма оттянул пальцами нижнюю губу и с щелчком отпустил. – Я прямо чувствую, что она готова! Втрескалась в меня, походу...

– Она любила тебя в детстве... – протянул Вася, не сводя глаз с Таньки. – Даже письма тебе писала, когда ты не приехал тем летом в Дергачи.

– Откуда знаешь? – удивленно спросил Артём.

– Теть Тамара мамке рассказывала, что она каждую неделю на почту приходила...

– Странно... – Тёма поскреб затылок. – Я никаких писем не получал.

– Конечно, не получал! – хохотнул Глеб. – Адреса-то твоего она не знала. Просто писала на конверте – Тёме в Москву.

– Черт... Не знал... Она ведь еще совсем девчонка тогда была...

– Ну знаешь... – развел руками Васька. – Любви все возрасты покорны!

Диджей объявил по скрипящему микрофону о последней на сегодня композиции. Тёма поправил рубашку, затянул несуществующий галстук и многозначительно посмотрел на Глеба.

– Ну все! Пожелай мне удачи!

– Ага! Щас прям! – скорчил рожицу Глеб. – Зуб даю, обломаешься ты сегодня!

– Не надо зуб! Кортика достаточно! – подмигнул Артём и расплылся в самодовольной улыбке.

– Удачи тебе, Тём, – хлопнул его по плечу Васька.

– Спасибо, брат!

Тёма сунул руки в карман брюк и пошел к Кате навстречу. Она уже ждала его на танцполе.

ГЛАВА 12

Катя и Тёма медленно шли по деревне, держась за руки. Девушка болтала без умолку, рассказывая истории из деревенской жизни, а ее спутник только молча кивал. Он ее почти не слушал, судорожно перебирая варианты, как не проиграть спор и не остаться без последних приличных кроссовок.

Если бы они шли сейчас по Москве, все было бы гораздо проще. Вряд ли они вообще бы шли. Скорее всего, выйдя из клуба, Тёма открыл бы перед Катей дверь Ламбы с брейлока... Черт! Ламбу-то он разбил. Тогда Мустанга. Мустанг нравился девушкам не меньше.

Он открыл бы дверь, помог забраться в салон, сам уселся на переднее сиденье, посмотрел ей в глаза, взял за подбородок, развернул к себе и запечатлел бы поцелуй на ее губах.

– У меня номер в Метрополе, – сообщил бы он. – Между прочим, люкс. Хочешь посмотреть?...

– Вот мы и пришли! – ворвался в Тёмины мысли звонкий Катин голосок.

– Что? Куда? – Артём стряхнул с себя грезы. – Уже?

– Такой ты смешной, – скромно опустила глаза Катя.

В доме за ухоженной низкой оградой, выкрашенной в лимонно-желтый цвет, было темно. Ни в одном из окон не го-

рел свет.

– Мама уже спит, наверное? – предположил Артём, кивая на дом.

– Она сегодня на дежурстве, – сообщила Катя. – Приедет только утром.

Тёма едва не подпрыгнул от этой новости. Он и забыл, что ее мама работала медсестрой в районной больнице. Его губы растянулись в радостной улыбке. Он всю дорогу ломал голову над тем, куда позвать Катю, чтобы уединиться, а оказывается у нее никого не было дома. Разве это не удача?

– Ты спать сильно хочешь? – спросил он и, почему-то, застеснялся. – Может еще погуляем?

Напроситься в гости не хватило смелости, но Катя вдруг сама проявила инициативу.

– Может зайдешь? Чаем тебя напою...

– Конечно! – обрадовался Артём.

Они сидели на кухне за столом, пили чай с пирогом, а Тёма так нервничал, что не мог спокойно усидеть на табуретке.

– Все в порядке? – спросила Катя, заметив его состояние. – Что ты ерзаешь, будто у тебя колючка на стуле?

– Я... – Тёма поднял на девушку глаза и густо покраснел. – Я просто очень хочу тебя поцеловать... И никак не могу решиться.

Катя замерла, не донеся чай до рта. Тёма аккуратно извлек чашку из ее руки, поставил на стол, наклонился и осторожно прижался своими губами к ее. Девушка не отстранилась.

Наоборот, слегка подалась ему навстречу.

Артём обнял ее, притянул к себе, дыхание сорвалось. Они слились в страстном поцелуе. Катя запустила пальцы в его волосы на затылке. Ее губы были мягкими и нежными. Их сердца стучали в унисон громко и часто. Тела дрожали от желания.

Тёма почувствовал острое возбуждение внизу живота. Он встал, подхватил Катю на руки, не прекращая целовать, и понес в комнату.

– Где твоя спальня? – хрипло спросил он, оторвавшись от ее губ.

– Подожди, Тём... – Катя перевела дыхание.

Ее щеки полыхали огнем.

– Не могу я больше ждать... – прошептал он. – Я безумно хочу тебя.

Артём попытался снова поцеловать ее, но она отстранилась, уперлась руками ему в грудь. Он опустил девушку на пол, прижал к стене и впился губами в шею.

– Кать... Ну ты чего?

– Я так не могу... – она отвернулась, стыдливо пряча глаза. – Так неправильно.

– Да что неправильного? – психанул Тёма.

– Мы почти незнакомы... – пробормотала Катя.

– Не знакомы?! Да мы знаем друг друга с самого детства! всю жизнь, считай! Сколько, по-твоему, еще должно пройти

времени?

– Это другое... Тогда мы были детьми... А сейчас... Мы оба изменились... А этот шаг...

– Да какой шаг? – Тёма со злостью ударил ладонью по стене. – Это просто секс и ничего больше!

– Просто секс? – посмотрела на него Катя.

– Представляешь? Так бывает! – у Артёма на лице заходили желваки. – Чего ты ломаешься, не пойму? Я же вижу, что ты тоже хочешь!

– Ты мне очень нравишься, Тём... И я думала...

– И ты мне нравишься, – перебил он и снова припал к ее губам.

Катя ответила на поцелуй. Рука Тёмы скользнула под подол платья и легла на бедро.

– Ты с ума меняводишь, – прошептал он, прикусывая мочку уха.

Он просунул колено Кате между ног, прижал ее всем телом к стене. Девушка уперлась ладонями ему в грудь.

– Тёма... Не надо... Пожалуйста...

Но Артём уже так распалился, что не мог остановиться. Одной рукой он уже пытался стянуть с девушки трусики, а второй расстегивал пуговицы на платье.

– Прекрати... – отбивалась от него Катя, но он был гораздо выше и сильнее ее. – Прошу тебя...

Тёма зацепил пальцами шелковую ткань нижнего белья, рванул – грубо и резко. Пуговицы посыпались с платья, обна-

жая кружевной бюстгальтер. Катя попыталась стыдливо прикрыться. Ее трясло крупной дрожью. Возбуждение сменилось ужасом.

– Пожалуйста... – захлебнулась она в рыданиях.

Тёма отпрянул. Он перевел дыхание, отскочил в сторону, пригладил растрепавшиеся волосы и опустил глаза в пол.

– Прости... – пробормотал он, сжимая в кулаке почти невесомые трусики.

Катя стояла у стены и беззвучно плакала. Слезы текли по ее щекам, капали на разорванное на груди платье.

– Уходи... – едва слышно выдавила она из себя. – Не хочу тебя больше видеть. Никогда!

Тёма развернулся и поспешил к выходу. Он быстро сунул ноги в кроссовки, небрежно заправил шнурки внутрь, руки у него тряслись. Катя стояла, облокотившись на косяк и опустошенно смотрела в одну точку на стене.

– Ты ведь сама хотела, – попытался оправдаться Тёма. – Сама...

– Просто уходи...

Он, наконец, распрямился, посмотрел на Катю. В глазах его читалось глубокое сожаление. А на душе было так мерзко, что хотелось кричать. И виной тому был не проигранный Глебу спор. В этом он был уверен. Это было что-то совсем другое...

Тёма вышел на улицу, остановился под фонарем и громко выпустил из легких весь воздух. Сердце бешено колотилось

в груди, голова горела огнем. Сжатые в кулаки пальцы побелели от напряжения. Он разжал левую ладонь и посмотрел – на ней лежали маленькие скомканные белоснежные Катинны трусики. Он некоторое время глядел на них, будто это было какой-то диковинкой, а затем решительно сжал обратно в кулак и сунул в карман брюк. Не может же он остаток лета проходить в старых разбитых ботинках Андрюхиного брата...

ГЛАВА 13

Своих приятелей Тёма нашел в беседке. Они приканчивали самогон Васькиного отчима, закусывая все теми же кислыми огурцами. Завидев его унылую физиономию еще издалека, Глеб в предвкушении победы потер руки.

– Ну что? Получил от ворот поворот? – ехидно спросил он. – Кроссовки снимай!

Тёма опустился на скамейку и тяжело вздохнул.

– Плесни, Вась, – попросил он.

Васька тут же подсутился, налил в граненый стакан самогона на два пальца и протянул другу. Тёма опрокинул его в себя, даже не поморщившись. Ему показалось, что все возможные чувства отказали в его организме. Внутри поселилась гнетущая пустота.

– Еще? – с тревогой спросил Васька. – Не переживай ты так... Ну подумаешь, не дала...

– Дала, – безразличным тоном сказал Артём.

Он сунул руку в карман брюк и швырнул Глебу Катины трусики.

– Ого-го! – Глеб развернул их, чтобы убедиться, что это именно то, о чем он подумал. – Да ты мужик! Снимаю шляпу!

– Кортик гони! – буркнул Тёма.

Васька улыбался во весь рот, восхищенно глядя на друга.

– А я верил, Тёмыч, что у тебя получится! – хлопнул он приятеля по плечу. – И что? Вы теперь, типа, встречаетесь?

– Не-а, – покачал головой Тёма. – Я не сплю с одной и той же девушкой второй раз.

В беседке повисла тишина.

– А Катке ты об этом сообщил? – спросил осторожно Глеб.

– Да, сказал, когда уходил, – небрежно бросил Тёма.

– А она что же? – Васе стало не по себе. – Расстроилась?

– Разозлилась... – Тёма натянул на лицо наглую ухмылку.

– Только мне плевать. Если каждой девке сопلي подтирать...
Налей лучше еще.

Граненый стакан в молчании прошел по кругу. Парни не разговаривали. Каждый думал о своем. Глебу было жалко дедовский кортик. Он ведь знал Катю с самого детства, и не ожидал, что она так легко поддастся Артёмову шарму. Поэтому-то и пошел на спор с такой высокой для него ставкой. Васька думал о Таньке. Если Тёма поможет ему покорить ее сердце, то он, пожалуй, осенью на ней женится. А сам Тёма надеялся поскорее вернуться домой, в Москву, потому что испытывал внутри себя сжигающий стыд. Перед Катей, перед друзьями, перед бабой Шурой и даже перед самим собой.

– Что теперь думаешь делать? – спросил Глеб, когда пауза слишком затянулась.

– Не знаю, – пожал плечами Тёма. – Домой хочу. В Москву.

– Ты уезжаешь? – спросил Васька, и в голосе мелькнул страх – вдруг Тёма не успеет помочь ему с Танькой.

– Не могу пока... – покачал головой Артём. – Батя сильно злится из-за Ламбы. Если вернусь, в армию загремлю.

– То есть ты здесь вроде как прячешься от военкомата? – хохотнул Глеб. – Вот ты гусь, конечно!

– А почему не хочешь служить? – Васька погладил рукой отросший ежик на голове.

– Прикалываешься? Да я там не выживу! Вот батя и шантажирует меня. Обещал ведь отмазать, а тут разозлился... Ладно, поваляюсь на печи еще немного. А там, гляди, и отпустит его...

– Тём... – поднял на него глаза Васька. – А с Танькой-то как быть?

– Черт... Танька же еще! – про свое обещание устроить личную жизнь друга он совсем забыл. – Ну давай еще по одной, и пойду с ней поговорю!

Васька обрадованно взялся за бутылку, налил самогона в стакан и протянул другу.

– Огурчик, Тём? – услужливо спросил он, засовывая пятерню в трехлитровую банку с мутным рассолом.

– Не... Не надо! – Артём выпил, вытер губы тыльной стороной ладони и, пошатываясь, встал. – Пошел.

– Держи вот... – Глеб выудил из кармана штанов кортик

и протянул ему.

Тёма взял. Взвесил трофей в руке и ухмыльнулся.

– Благодарю, – он театрально поклонился и спрятал нож.
– Завтра, Васька, сделаем из тебя настоящего мужика!

Васька расплылся в довольной улыбке.

Тёма уходил со двора неровной походкой. Желудок пекло от крепкого алкоголя, в голове шумело, а ноги казались ватными. Он вышел из калитки, остановился и стиснул зубы. В кармане даже через ткань кортик казался ледяным и выжигал кожу на бедре.

В Танькином доме не горел свет. Девушка еще не вернулась после танцев. Видимо, гуляла с очередным ухажером. Тёма уселся на лавочке перед домом и закрыл глаза. Он еще не знал, что скажет Таньке, когда та вернется, но решил, что будет действовать по обстоятельствам – пробьет информацию, подготовит почву. Если бы у него были наличные деньги, можно было, конечно, просто заплатить ей и подарить Ваське ночь любви. Но денег не было. Поэтому придется уговаривать.

За этими размышлениями он задремал, притулившись к забору.

– Эй... Красавчик! – Танька, склонившись, трепала его за плечо. – Ты что здесь делаешь?

Тёма очнулся и не сразу вспомнил, где находится. Лицо Таньки расплывалось перед глазами большим мутным пятном.

– Ты ведь Тёма, да? – спросила Танька, откровенно разглядывая его. – Баб Шурин внучок...

– Кажется, это я... – пробормотал Артём, все еще пытаясь сфокусировать взгляд.

– А ты забавный, Тёма! – расхохоталась девушка.

Когда он, наконец, смог рассмотреть ее, то узнал в ней ту самую толстушку, которая в первый вечер в клубе, преградила ему путь к Кате. С детства он помнил ее плохо, но она точно была гораздо меньше размером.

– Так чего хотел-то? – она плюхнулась рядом с ним на лавку, отчего тот конец, где сидел Тёма слегка приподнялся.

– Поговорить... – он попытался отодвинуться на самый край, но Танька обхватила его своими мощными руками и притянула обратно.

– Скромный-то какой, гляди! – рассмеялась она. – Пошли в хату. У меня там кажется рябиновка в холодильнике затерялась.

Она подхватила его ослабшее тело и буквально на себе поволокла в дом.

Когда утром, весь помятый, Тёма выходил из Танькиной калитки, деревня давно проснулась – местные бабы гнали коров на пастбище, мужики спешили на посевную, у колодца уже собрались местные сплетницы. Его провожали десятки глаз, пока он шел, шатаясь, к дому бабы Шуры. Ему казалось под этими взглядами, что его голого выкинули на улицу на

всеобщее обозрение. Все, чего ему сейчас хотелось – поскорее залезть на печку, зарыться поглубже и не высовываться оттуда до конца ссылки.

Впереди уже показался дом бабушки, но нырнуть в калитку он не успел. Рядом с ним остановился красный трактор, из окошка которого торчала улыбающаяся Васькина физиономия.

ГЛАВА 14

Васька выскочил из кабины трактора, даже не заглушив мотор, и радостно рванул к Тёме. В глазах его светились одновременно надежда и любопытство.

– Ну что? – тряхнул он помятого тяжелой ночью приятеля.
– Как прошло с Танькой?

– Что? – растерялся Артём. – У меня с ней ничего не было!
– Ты же собирался с ней поговорить, – напомнил Васька.
– Обо мне...

– А-а-а... – выдохнул Тёма. – Точно... Поговорить... Извини, еще не успел.

Васька разочаровано замычал, тяжело вздохнул.

– Погоди... А ты что? Только домой вернулся?

– Типа того, – отвел глаза Артём.

– А где ты был? – поинтересовался Васька. – У Кати, да?

– Гулял я! – огрызнулся Тёма. – Чего привязался?

– Да я ничего... Просто... – отшатнулся от него Васька. – Ну... Я тогда поеду? Увидимся вечером...

– Ага... – Тёма прошмыгнул в калитку.

Васька постоял еще какое-то время, помялся в нерешительности, но затем запрыгнул обратно в свой трактор и укатил, поднимая пыль по дороге. Тёма, спрятавшись в саду за деревом, проводил друга тоскливым взглядом. Чувствовал

он себя паршиво. Помимо похмелья и голода, его мучили жуткие угрызения совести, чувство, которое до этого момента ему было очень мало знакомо.

Баба Шура уже проснулась, в окошке мелькал ее маленький силуэт. Взгляд Тёмы наткнулся на оставленную в палисаднике лопату. Она все также торчала в некопаной земле, усиливая своим видом внутренний дискомфорт парня.

– Да блин... – Тёма закатил глаза, закатал рукава рубашки и решительно перемахнул через низкий заборчик. – Ненавижу!

На кого или на что конкретно была в данный момент направлена его ненависть, он и сам пока толком не понимал, но в его душе бушевала такая буря негативных эмоций, что он не решился занести их в дом, поэтому схватился за лопату и выплеснул весь свой гнев на слежавшуюся после зимы землю. Штык буквально вгрызлся в чернозем, выворачивал валуны, рубил их на мелкие комья острым лезвием. И чем больше были натруженные с непривычки мышцы, тем легче становилось дышать.

Баба Шура все это время осторожно подсматривала за внуком, спрятавшись за старенькой занавеской у окна. Она чувствовала, что в душе Тёмы творится что-то неладное. Мрачные мысли одолевали его голову, а густое разочарование обволакивало его неопытное еще сердце. Старушка видела, что ярость молодого человека была направлена вовсе

не на внешний мир – не на вынужденную ссылку, не на отсутствие привычного комфорта. Он злился на самого себя. А это был благоприятный знак. Значит, не все еще для него потеряно.

Она улыбнулась, глядя, как споро движется работа, кивнула головой своим же собственным мыслям, наклонилась и скатала в рулончик тканый половичок, застилавший полы на кухне. Под ним оказался едва заметный люк, ведущий в холодный погребок. Она подцепила выемку, потянула доску на себя. Пол вздыбился, открывая взору свои недра. Все припасы в целости и сохранности стояли на деревянных полках. Баба Шура набрала картошки, достала баночку свежей сметаны и принялась за стряпню.

Когда Тёма закончил копать землю в палисаднике, он убрал лопату в сарай, умылся ледяной водой из бочки и почувствовал в голове такую облегчающую пустоту, что невольно расплылся в улыбке. Он взбежал на крыльцо бабушкиного дома, распахнул настежь дверь, и тут же ему в нос ударил дурманящий запах картофельных драников.

Баба Шура заботливо накрывала на стол. Она заварила свежего чаю, наложила в пиалы сметану и встретила внука теплым благодарным взглядом.

– Рубашку снимай, – скомандовала она. – Постираю...

Тёма послушно переоделся, протянул бабушке грязные вещи и ласково поцеловал в щеку.

– Спасибо, бабуль...

– Садись, поешь. А-то изгонялся уже, одни глаза остались!
– кивнула старушка на миску с горячими драниками.

Долго уговаривать Тёму не требовалось. Уже через секунду он был за столом и, обжигаясь, уминал завтрак за обе щеки. Бабушка сидела напротив него, подперев ладонью щеку и внимательно наблюдала.

– Я докопал палисадник, – сообщил Тёма, наконец, наевшись.

Он откинулся на спинку стула и виновато посмотрел на бабу Шуру.

– Я знаю, – ответила она, кивнув на накрытый стол. – Поработал, поел... Закон...

– Уяснил, – кивнул Тёма. – У вас здесь, в Дергачах, будто бы другое государство. Свои законы...

– Да нет, внучек... – покачала головой старушка. – Это у вас там, в Москве, другое государство. А мы живем по законам чести и совести. Каждый получает по заслугам. Все просто и понятно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.